

ЛЕКСИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРЕХОДНЫХ И НЕПЕРЕХОДНЫХ ДВУХМЕСТНЫХ ГЛАГОЛОВ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ: КВАНТИТАТИВНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ¹

С опорой на анкету, включающую 130 двухместных предикатов, собраны сведения о распределении переходных и непереходных моделей управления в 23 индоевропейских языках. Показано, что доля переходных моделей выше всего в языках зоны средневропейского стандарта, что является инновацией. Более архаичные системы представлены в периферийных языках, где отклонения от переходности обусловлены пониженным контролем первого актанта, агентивностью или низкой вовлеченностью второго актанта и т. п.

Ключевые слова: валентность, переходность, индоевропейские языки, квантитативная типология, падеж, ареальная лингвистика, внутригенетическая типология, контроль, вовлеченность, языки средневропейского стандарта.

1. Постановка задачи

Семантическая основа переходности хорошо известна в типологии: центральное место здесь занимают двухместные конструкции с волитивным одушевленным агенсом, который контролирует ситуацию и затрачивает энергию в ходе осуществления действия, и определенным пациенсом, состояние которого в результате осуществления действия претерпевает существенные изменения (Hopper, Thompson 1980; Dowty 1991). Глаголы, используемые в таких конструкциях, в большинстве языков образуют большой и сравнительно однородный класс, а соответствующая конструкция – т. е. **базовая пере-**

---

¹ Я хотел бы выразить глубочайшую признательность моим коллегам по проектам «Неканоническое маркирование актантов многоместных предикатов» и «Вариативность аргументной структуры глаголов и классификация глагольной лексики в разноструктурных языках», осуществлявшихся в Лаборатории типологического изучения языков ИЛИ РАН в 2009–2010 и 2011–2013 гг. соответственно, а также специалистам по конкретным языкам, собиравшим и анализировавшим данные для исследования уже не в рамках проекта. Перечень имен этих коллег приводится в Таблице 1 ниже. Ответственность за возможные ошибки и неточности в этом тексте остается целиком на моей совести.

ходная конструкция – оказывается наименее маркированной из всех многоместных актантных структур (Tsunoda 1985; Lazard 2002; Levin 1999). Однако **границы** класса переходных глаголов, структура периферии этого класса, значительно варьируют от языка к языку. Другими словами, если для переводных эквивалентов русских глаголов, например, *сломать* или *убить* можно априорно ожидать попадания в класс переходных, то с многими другими значениями возможна межъязыковая вариативность. И действительно, в литературе неоднократно обсуждались частные различия такого рода, например, указывалось, что некоторым английским переходным глаголам соответствуют немецкие глаголы с косвенными дополнениями, ср. *help* и *helfen* ‘помогать’, *follow* и *folgen* ‘следовать’ (см. обсуждение в Hawkins 1986). Частных наблюдений такого типа, своего рода сопоставительных курьезов, сделано уже очень много, однако систематическое изучение этой вариативности в типологической литературе началось сравнительно недавно (см., например, Vickel et al. 2014; Haspelmath 2015). В рамках этого направления быстро стало ясно, что, как и в других случаях типологического варьирования, одна из ключевых ролей принадлежит **генетическому** фактору: между родственными языками наблюдается большее сходство, чем между языками, относящимися к разным семьям.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы понять, насколько языки самой хорошо изученной языковой семьи – индоевропейской – различаются по тому, как в них распределены переходные и непереходные двухместные конструкции. Таким образом, настоящая статья мыслится в русле **внутригенетической** типологии: она отражает (квантитативно-)типологический взгляд на материал родственных языков. В работе ставятся следующие задачи: установить, насколько широк класс переходных глаголов в языках различных ветвей индоевропейской семьи; выяснить, насколько похожи языки различных ветвей по тому, какие именно глаголы попадают в них в класс переходных, и в конечном счете постараться на выбранном ограниченном материале осмыслить роль исторического (генетического) фактора в развитии класса переходных глаголов.

Дальнейшее изложение будет построено следующим образом. В разделе 2 будет описана процедура сбора и анализа данных, необходимых для исследования. В разделе 3 будет обсуж-

даться то, какую долю среди двухместных глаголов составляют переходные глаголы в различных индоевропейских языках. В разделе 4 выясняется то, насколько похожи или различны по своим очертаниям классы переходных глаголов в рассматриваемых языках. Наконец в разделе 5 предпринимается попытка обобщения полученных результатов и их осмысления с типологической и исторической точки зрения.

2. Сбор данных

Представленная здесь работа является ответвлением более широкого типологического проекта, нацеленного на изучение валентностных классов в языках мира. Для достижения целей проекта было необходимо собрать сведения о том, каким образом выражаются актанты при некотором изначально очерченном круге предикатов в определенной выборке языков. В рамках представленного здесь фрагмента проекта сопоставляются исключительно индоевропейские языки и обсуждается только противопоставление конструкций с переходными и непереходными глаголами (далее – переходные и непереходные конструкции). О других аспектах проекта см., среди прочего, Say 2011; 2014.

В основе исследования лежала **анкета**, включающая в себя 130 потенциально двухместных предикатов (анкета использовалась в двух вариантах – русском и английском). Для того чтобы собираемые данные были сопоставимы друг с другом, предикаты в анкете сопровождались контекстом: как минимум, он включал в себя те два актантных выражения, кодирование которых предполагалось установить для изучаемых языков. В некоторых случаях предьявлялся и более широкий контекст – это помогало, например, уточнить значение того глагола, который попадал в стимульное предложение. Таким образом, основой сопоставления языков, даже и родственных друг другу индоевропейских, была не общность этимологии отдельных глагольных лексем, а совпадение значений конкретных **клауз**, представленных в анкете. Например, в рамках проекта выяснялось, каким образом в различных языках кодируются актанты при предикате со значением ‘бояться’. Однако во многих языках существует несколько лексических выражений, передающих идею страха; иногда они различаются по моделям управления в

зависимости от единичности или хабитуальности ситуации, одушевленности или неодушевленности стимула и т. д. По этой причине в анкету входило конкретное стимульное предложение, помещенное в контекст:

(1) (*Пете² нужно выйти из дома, но во дворе лает собака.*) **Петя боится собаки.**

Для каждого языка фиксировался один, наиболее естественный, перевод стимульного предложения. Такое сужение, разумеется, значительно обедняет информацию об отдельных языках: фактически в ходе исследования фиксировались лишь единичные точки в бесконечном и многомерном семантическом пространстве; однако это решение способствует **сопоставимости** данных. В качестве примеров данных, анализировавшихся в рамках проекта, можно привести структуры, полученные при переводе анкетного предложения (1) на албанский (2), бенгальский (3), литовский (4) и новогреческий (5) языки. Сюда можно добавить само стимульное предложение *Петя боится собаки*: оно отражает модель управления, представленную в русском (точнее – одну из моделей, наиболее естественную в данном случае).

(2)	<i>Pjetr-i</i> Пьетер-NOM.SG.DEF	<i>ka</i> иметь.3SG	<i>frikë</i> страх.ACC.SG.INDEF	
	<i>nga qen-i</i> из собака-NOM.SG.DEF			
(3)	<i>Satyajit</i> Сатьяджит	<i>kukur-ke</i> собака-OBJ	<i>bhay</i> страх	<i>pā-y</i> получать-3.PRS
(4)	<i>Petr-as</i> П.-NOM.SG	<i>bij-o</i> бояться-PRS.3	<i>šun-s</i> собака-GEN.SG	
(5)	Ο DEF:M.NOM.SG το DEF:N.ACC.SG	Πέτρος Π.:NOM.SG σκυλί собака:ACC.SG	φοβάται бояться:PRS.PASS.3SG	

Теоретически данные, полученные для названных пяти языков, могли бы быть сопоставлены в разных отношениях. Например, этимологически связаны русский глагол *бояться*,

² В этом месте при переводе можно было использовать любое имя собственное.

литовский *bijoti* (4) и именной компонент бенгальской структуры – *bhay* (3), а в двух остальных языках представлены неродственные лексемы. Албанский и бенгальский похожи тем, что в обоих языках используется аналитическая конструкция с именным элементом. Русский и новогреческий похожи тем, что в обоих языках используется медиальное, то есть в конечном счете связанное с возвратностью, выражение. Однако единственный аспект, который будет рассматриваться здесь, – это то, каким образом в изучаемых языках выражаются два априорно заданных семантических актанта: экспериенцер, выраженный именем собственным, и стимул ('собака'). По этому параметру вместе можно сгруппировать бенгальский (3) и новогреческий (5): в обоих языках эти два актанта занимают ядерные позиции **переходной конструкции**, при этом экспериенцер занимает позицию подлежащего, а стимул – прямого дополнения. В остальных языках стимул занимает косвенную позицию, т. е. модель управления является **непереходной**³. Особенно следует подчеркнуть, что фиксировалось именно кодирование заранее заданных актантов; поэтому, например, албанская конструкция в (2) группировалась с непереходными конструкциями, хотя ее вершиной является переходный глагол обладания. Суть этого решения состоит в том, что отношения между экспериенцером и стимулом в албанском примере оформлены не так, как отношения между прототипическим агенсом и прототипическим пациенсом в базовой переходной конструкции, а иначе (так же, как при предикатах, имеющих такие значения, как 'выходить', 'зависеть', 'отличаться', 'брезговать' и др., – при них также используется предлог *nga* 'из').

В число 130 предикатов анкеты было включено много таких значений, про которые из предшествующей литературы было известно, что они типологически часто – хотя и не всегда – отклоняются от базовой переходной конструкции: 'верить', 'ждать', 'иметь', 'искать', 'называться', 'отвечать', 'скучать', 'смотреть' (использовались, в частности, сведения, представ-

---

³ Вопрос о том, какие именно непереходные конструкции используются, здесь не рассматривается, в частности, игнорируются различия между случаями, когда косвенный актанта кодируется косвенным падежом, как в русском или литовском (4), или предложной группой, как в албанском (2).

ленные в Haspelmath 2001a; Kittilä 2002; Næss 2007; Tsunoda 1981).

В рамках анкеты в каждом предложении были априорно идентифицированы первый и второй актанта, кодирование которых и было предметом анализа. Противопоставление этих двух актантов осуществлялось с опорой исключительно на семантику. Первым признавался тот из двух актантов, который имел больше признаков «протоагенса» по Dowty 1991: каузация, волитивность, способность чувствовать, независимое существование, контроль. Актант, имевший меньшее число соответствующих признаков, признавался «протопациенсом», или вторым актантом. Для простоты первый и второй актанта обозначались в материалах символами соответственно X и Y (эти обозначения заимствованы из Lazard 1994). Так, для предиката 'бояться' бóльшим числом признаков протоагенса обладает экспериенцер; соответственно в примерах (2)–(5) в качестве X-актанта рассматривалось имя собственное, а в качестве Y-актанта – именная группа, соответствующая 'собаке'. Следует особенно подчеркнуть, что при идентификации участников X и Y не учитывалось то, каким образом эти участники кодируются в русском языке, на котором изначально была составлена анкета. В частности, в анкете представлены и предложения, в которых в русском языке позицию подлежащего занимает Y-участник, ср. 'У Пети (X) болит голова (Y)', 'Пете (X) нравится эта рубашка (Y)', 'У Пети (X) есть машина (Y)' – во всех приведенных примерах одушевленный участник обладает бóльшим числом признаков прото-агенса по Д. Даути. Такой подход потребовался для того, чтобы сделать собираемые синтаксические данные логически независимыми от анкеты, построенной на семантических основаниях.

Сбор и первичная обработка данных осуществлялись с привлечением специалистов по конкретным языкам. Эти специалисты в обычном случае работали непосредственно с носителями (в нескольких случаях исследователь одновременно являлся и носителем языка). Далее они выбирали – обычно во взаимодействии с автором этого текста – оптимальный вариант перевода при наличии конкурирующих структур, идентифицировали средства кодирования актантов и т. д., т. е. в конечном счете идентифицировали валентностный класс предиката.

Такой метод сбора данных был трудозатратным, но только он мог гарантировать получение сопоставимых данных: для большей части изучаемых языков, особенно за пределами индоевропейской части проекта, не существует словарей, обладающих достаточной степенью полноты и надежности в плане моделей управления и значений глаголов. Однако в сложных случаях данные словарей и корпусов все же привлекались (для одного из языков выборки – древнегреческого – этот способ сбора данных был, разумеется, единственно возможным).

В общей сложности данные собраны для 23 индоевропейских языков, представляющих все живые (традиционно выделяемые) ветви семьи. Из мертвых языков в выборке представлен только древнегреческий. Языки, попавшие в выборку, и имена исследователей перечислены в Таблице 1.

Таблица 1. Языки выборки

Группа	Языки и привлеченные специалисты
Греческая	древнегреческий (И. И. Ибрагимов), новогреческий (Е. А. Желтова)
Албанская	албанский (В. А. Дивеева)
Романская	румынский (Д. В. Суетина), итальянский (А. А. Александрова), испанский (Е. В. Горбова), гасконский (Н. М. Заика), французский (Е. Е. Корди)
Кельтская	ирландский (Д. С. Николаев)
Германская	английский (Д. С. Николаев, Дж. Николс), нидерландский (М. Ю. Князев), немецкий (С. Бирцер), норвежский (букмол; О. В. Кузнецова)
Балтийская	литовский (Н. М. Заика), латышский (Н. В. Перкова)
Славянская	польский (Г. А. Мороз), сербский (А. Л. Макарова), украинский (Н. М. Заика), русский (С. С. Сай)
Иранская	осетинский (А. П. Выдрин)
Индоарийская	цыганский (кэлдэрарский; К. А. Кожанов), бенгальский (М. Е. Шляхтер)
Армянская	восточноармянский (В. А. Крылова)

Все примеры, представленные в этой статье, взяты из рабочих материалов тех исследователей, которые собирали и осуществляли первичную обработку данных по проекту. Таким образом, данные, легшие в основу этой статьи, были получены коллективно, мне же принадлежит лишь обобщение собранных данных в рамках поставленной типологической задачи.

На этапе обработки данных для каждого языка было идентифицировано то множество полученных при помощи анкеты предикативных выражений (это не обязательно оказывались простые глаголы, см. выше), которые можно было считать переходными в рамках системы конкретного языка. Хорошо известно, что морфосинтаксические признаки переходных конструкций значительно различаются по языкам. Даже в индоевропейских языках, относительно однородных в этом отношении, разнообразие все же наблюдается: если в большинстве языков переходная конструкция может быть идентифицирована с опорой на падежное кодирование актантов, то, например, в английском, нидерландском и континентальных скандинавских языках ключевая роль принадлежит линейной позиции актантов. Выделение класса переходных глаголов иногда сопряжено и с некоторыми дополнительными сложностями; например, в очень многих индоевропейских языках представлено дифференцированное маркирование прямого дополнения: ситуация, когда оформление второго актанта глагола зависит от референциальных, онтологических или дискурсивных свойств этого актанта. В частности, во многих языках от таких признаков зависит появление или непоявление на актанте маркера падежа, например, в кэлдэрарском цыганском, как в примерах (6–7); в других языках от подобных признаков зависит наличие или отсутствие при прямом дополнении предлога, как, например, в испанском, или дублирующего местоименного элемента, как в балканских языках.

(6) *Во*   *дикх-э-л*   *ле*   *жюкл-эс*
 он.DIR   видеть-PRS-3SG   ART.M.OBL   собака-OBL.SG
 ‘Он видит собаку.’

(7) *Во*   *дикх-э-л*   *о*   *кхэр*
 он.DIR   видеть-PRS-3SG   ART.M.DIR   дом.DIR.SG
 ‘Он видит дом.’

Все подобные колебания, очень широко обсуждаемые в типологической литературе, делают первичные собранные данные более пестрыми, но в целом не препятствуют идентификации того класса предикативных выражений, которые можно считать переходными в каждом конкретном языке. В частности, не вызывает сомнений то, что кэлдэрарский глагол *дикхэл* из примеров (6–7) является переходным.

В подавляющем большинстве случаев, если при переводе стимульного предложения фиксировалась переходная конст-

рукция, то оказывалось, что в ней позицию подлежащего занимает X-участник, а позицию прямого дополнения – Y-участник, как в примерах (3), (5) и (7). Исключения – своего рода перевернутые структуры – крайне немногочисленны. Сюда относятся кэлдэрарские эквиваленты предикатов ‘нравиться’ и ‘нуждаться’, а также эквиваленты предиката ‘болеть’ в целой группе восточноевропейских языков: румынском, сербском, польском (8) и в том же кэлдэрарском.

- (8) *Ann-e bol-i głow-a*
 Анна-ACC.SG болеть:IPFV-3SG.PRS голова-NOM.SG
 ‘У Анны болит голова.’

3. Доля переходных глаголов

Самый первый количественный результат работы по анкете состоял в том, что для каждого языка было установлено, какая доля из 130 анкетных предикатов приходится на переходные предикатные выражения, а какая – на непереходные (при подсчете предикаты, для которых не удавалось получить удовлетворительных данных, не учитывались). Доля непереходных глаголов, установленная для 23 языков выборки, (далее – «индекс непереходности») показана в Таблице 2. Языки упорядочены по возрастанию индекса непереходности: от «самого переходного» новогреческого до самого непереходного осетинского.

Таблица 2. Индекс непереходности в языках выборки

Новогреческий	0.33	Албанский	0.48
Английский	0.36	Армянский	0.50
Нидерландский	0.39	Сербский	0.50
Румынский	0.41	Латышский	0.50
Испанский	0.41	Украинский	0.56
Итальянский	0.42	Литовский	0.56
Бенгальский	0.42	Ирландский	0.57
Гасконский	0.42	Польский	0.58
Французский	0.44	Русский	0.58
Древнегреческий	0.45	Цыганский (кэлдэрарский)	0.59
Немецкий	0.45	Осетинский	0.61
Норвежский (букмол)	0.46		

Абсолютные числа, отраженные в таблице, малоинформативны: они всецело определяются произвольным выбором глаголов (при массовом включении в анкету предикатов типа

‘рвать’, ‘печь’ или ‘поднимать’ все языки оказались бы преимущественно переходными). Однако **взаимное расположение** языков в полученной иерархии во многих отношениях показательно.

Первое, что бросается в глаза, – это то, что **разброс выведенного индекса очень велик**: арифметически он составляет 28%. Из эквивалентов предикатов, попавших в анкету, в новогреческом переходными оказалось $2/3$, а в осетинском – лишь чуть больше $1/3$, при этом эти два языка представляют собой не случайные выбросы (outliers), а лишь крайние точки равномерного распределения.

Естественно, конкретная математическая величина разброса (28%) определяется априорной направленностью проекта на изучение «пограничных» предикатов – т. е. таких, которые в принципе могут попадать и в класс переходных, и в класс непереходных («noncore transitive verbs» в терминологии Levin 1999). Однако собранные данные показывают, что то, насколько систематически в лексической системе глаголов пограничные денотативные ситуации категоризируются как переходные, существенным образом менялось на протяжении истории отдельных индоевропейских языков. Разнородность индоевропейских языков в изучаемом отношении подтверждается и сопоставлением с другими языками, для которых в рамках проекта были собраны данные. Индекс непереходности на данный момент был получен для 35 неиндоевропейских языков, относящихся к 13 различным семьям (в выборке преобладают языки северной Евразии, но представлены также и некоторые языки Африки и Америки). Большинство из этих 35 языков (27) попадают по индексу непереходности в тот интервал, который покрыт индоевропейскими языками выборки. Другими словами, индоевропейские языки оказываются лишь немногим более однородны в изучаемом отношении, чем выборка, состоящая из языков 14 разных семей⁴.

---

⁴ Разнообразие индоевропейских языков по склонности к непереходности хорошо видно и по данным, представленным в Haspelmath 2015. Используемая М. Хаспельматом выборка генетически более разнообразна (в ней представлено 35 языков из 22 различных семей), однако даже те 6 индоевропейских языков, которые попали в нее, покрывают почти половину общемирового разброса. Абсолютные данные, полученные М. Хаспельматом, здесь не приводятся, так как

Скорость, с которой может изменяться склонность помещать «пограничные» предикатные значения в переходный или непереходный класс, видна и при сопоставлении данных языков внутри отдельных групп семьи. Разумеется, эти группы оказываются внутренне более однородны, чем семья в целом. Однако попавшие в выборку два живых балтийских языка различаются на 6%, разброс между четырьмя славянскими языками выборки составляет 8%, для четырех германских языков он равен 10% и лишь пять попавших в выборку романских языков различаются по индексу непереходности очень незначительно: для всех них индекс попадает в интервал от 41% до 44%. Отдельно хотелось бы остановиться еще на двух случаях.

Индоарийская ветвь представлена в выборке двумя идиомами: бенгальским, в котором непереходные глаголы составляют всего 42%, и кэлдэрарским цыганским, где она равна 59% – это один из самых высоких показателей по выборке. Это самый большой разброс, наблюдаемый в рамках одной ветви, но в данном случае он может объясняться специфическим статусом кэлдэрарского цыганского: тот идиом, данные которого отражены в проекте, находится под сильнейшим влиянием русского (а ранее претерпел влияние ряда других восточноевропейских языков). Следствием это влияния является массовое калькирование синтаксических моделей – неудивительно, что индексы непереходности кэлдэрарского и русского почти совпадают, см. Таблицу 2.

Более неожиданным является результат сопоставления древне- и новогреческого. Это единственные два идиома в выборке, которые представляют собой не синхронно сосуществующие языки, восходящие к общему предку, а два исторических состояния в развитии одного идиома. При этом можно заметить, что чуть больше, чем за две тысячи лет (для древнегреческого в анкете преимущественно использовались тексты классического периода) индекс непереходности упал на 12%.

Если переходить от сопоставления языков внутри отдельных групп к сопоставлению различных групп друг с другом, то данные в Таблице 2 позволяют увидеть широкую **ареальную** закономерность. Помимо бенгальского языка, доля переходных

их невозможно напрямую сопоставлять с приводимыми здесь из-за существенных различий в анкете и методологии.

предикатов максимальна в языках романской и германской групп, в греческих идиомах, чуть в меньшей степени – в албанском; наоборот, высокие индексы непереходности характерны для славянских, балтийских, осетинского, кэлдэрарского цыганского, чуть в меньшей степени для армянского, а также для единственного попавшего в выборку кельтского языка – ирландского. Таким образом, в целом распределение индекса непереходности по ветвям индоевропейской семьи повторяет противопоставление, которое многожды обсуждалось в ареально-типологических исследованиях языков Европы: противопоставление между ядром языков **«среднеевропейского стандарта»** (Standard Average European, SAE) и языками европейской периферии (см. о нем Haspelmath 1998, 2001b; van der Auwera 2011). Тяготение к переходному кодированию двухместных ситуаций можно добавить к числу типичных черт языков среднеевропейского стандарта (это ареальное обобщение подтверждается и при привлечении данных неиндоевропейских языков Европы, см. Say 2014).

Существенно, что обсуждаемое ареальное противопоставление невозможно свести к примитивному разделению на «западные» и «восточные» индоевропейские языки. Показательно в этом отношении положение ирландского (известно, что и по другим параметрам кельтские языки оказываются очень слабо вовлечены в множество языков среднеевропейского стандарта) и балканских языков, в первую очередь новогреческого и отчасти албанского (они как раз обладают большей частью черт, характерных для языков SAE), см.: Haspelmath 2001b. Наблюдаемые схождения между отдельными ветвями сложно интерпретировать и в терминах возможных генетических объединений между отдельными ветвями, по крайней мере гипотетические объединения, включающие а) кельтские и восходящие к италийским романские, б) греческий и армянский, а также в) германские и балто-славянские, совсем не обнаруживают внутреннего единства по индексу непереходности.

До сих пор не обсуждался вопрос о возможных причинах изменения «индекса непереходности». Таких причин может быть несколько. Во-первых, конкретные глаголы или другие предикативные выражения, сохраняя лексическое значение, могут изменять модель управления как таковую. Примером этого может служить сопоставление переходной польской

конструкции с глаголом *boleć* ‘вызывать ощущение боли’ (8) и ее русского непереходного эквивалента с глаголом *болеть* (об истории управления глаголов боли в славянских языках см., в частности, Seržant, Vjarnadóttir 2014). Во-вторых, предикативное выражение, использующееся для выражения некоторого смысла, может с течением времени быть вытеснено другим выражением, не обязательно совпадающим по модели управления. В-третьих, могут меняться сами те средства, которые используются для кодирования глагольных актантов, следствием чего будет системная, а не лексическая перестройка структуры валентностных классов⁵. На двух последних возможностях необходимо остановиться подробнее.

Среди случаев вытеснения предикативного выражения синонимом особое место принадлежит таким ситуациям, когда синтетический глагол заменяется перифрастической конструкцией. Иногда высказывается идея о том, что использование перифрастической конструкции является причиной непереходного кодирования «реальных» актантов X и Y (такая идея высказывается, например, в Onishi 2001: 116 для бенгальского). В самом деле, например, предикату ‘рожать’ в большинстве языков выборки соответствуют переходные глаголы, но в английском для выражения этого значения используется перифрастическая структура с глаголом ‘давать’, при этом актант Y – тот, кого рожают, – выражается в позиции, типичной для реципиента (9). Еще более показательны пары примеров типа албанских конструкций (10) и (11), где одно и то же значение ‘лстить’ может быть выражено либо переходным глаголом (10), либо гораздо более частотной перифрастической конструкцией (11), где позицию прямого дополнения занимает предикатное имя, а актант Y занимает косвенную позицию.

(9) *Mary gave birth to a son*
 Мэри дать.PST рождение к ART.INDEF сын
 ‘Мэри родила сына.’

(10) *Pjetri e lajkato-n Lindit-ën*
 Пьетер-NOM.SG.DEF PRO.ACC.3SG лстить-3SG Линдита-ACC.SG.DEF
 ‘Пьетер лстит Линдите.’

⁵ Три перечисленных сценария не исчерпывают все множество возможностей и не исключают друг друга.

- (11) *Pjetr-i*   *i*   *bë-n*   *lajk-a*   *Lindit-ës*
 Пьетер-NOM.SG.DEF PRO.DAT.3SG   делать-3SG   лесть-ACC.PL   Линдита-DAT
 ‘Пьетер льстит Линдите.’

Хотя на уровне отдельных предикативных выражений связь между перифрастичностью и непереходным кодированием актантов X и Y фиксируется, приведенные выше индексы непереходности лишь в малой степени обусловлены частотностью перифрастических конструкций. Действительно, в большинстве языков выборки – независимо от их индекса непереходности – доля перифрастических конструкций в базе данных невелика, обычно она не превышает 10% от собранных предикатных выражений. Иначе дело обстоит лишь в ирландском, осетинском и бенгальском (то, что это явление характерно для кельтских и индо-иранских языков, хорошо известно). Из этих трех языков только для ирландского можно увидеть связь между высоким индексом непереходности и широким использованием перифрастических конструкций: действительно, здесь многим предикатам анкеты соответствуют квазиэкзистенциальные выражения, где формально позицию сказуемого занимает вспомогательный элемент, а позицию подлежащего – предикатное имя, как в (12).

- (12) *Tá*   *aithne*   *aige*   *Pól*   *air*   *Mháire*
 быть.PRS   знание   у   Пол   на   Мойра
 ‘Пол знает Мойру.’

В осетинском и бенгальском четкой связи между перифрастичностью и непереходностью нет: в обоих языках широко представлены двухобъектные конструкции, в которых ближайшим объектом является предикатное имя, но при этом второй актант (Y) получает кодирование и другие характеристики прямого дополнения, как в бенгальском примере (13).

- (13) *Kiśalay*   *Jay-ke*   *ghrñā*   *kar-e*
 Кишалой   Джой-ОБJ   ненависть   делать-3.PRS
 ‘Кишалой ненавидит Джоя.’

В целом бенгальский, в котором перифрастические конструкции имеют самую большую долю во всей выборке (более 50 предикатов), попал в число языков с высокой долей переходности (см. еще раз Таблицу 2). Этот факт ставит под сомнение упомянутое выше утверждение М. Ониси о причин-

но-следственной связи между развитием перифрастических конструкций в бенгальском и неканоническим маркированием актантов. Скорее приведенные данные заставляют согласиться с выводом Т. Ахмеда: «most of the NCTVs (noncore transitive verbs – С.С.) in South Asian languages are N+V complex predicates, but **it is not the reason** of oblique marked arguments» (Ahmed 2008; выделено мной).

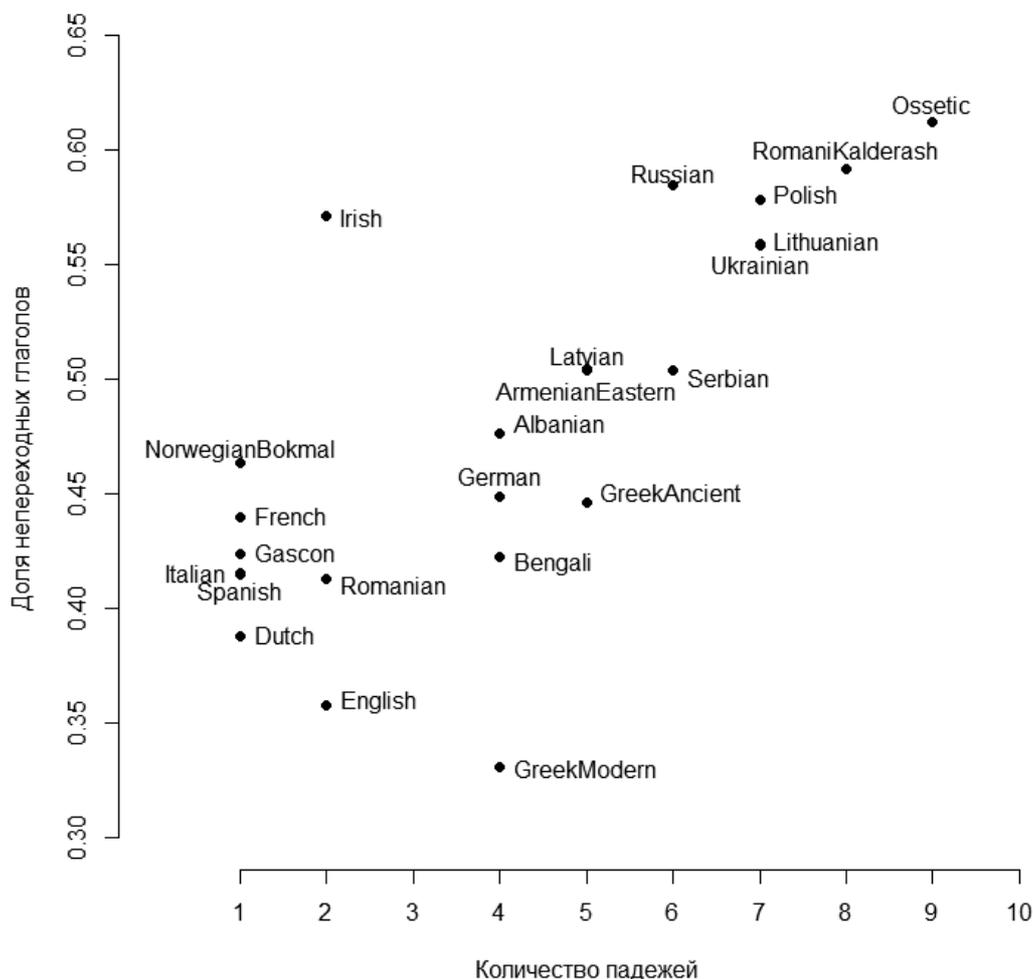
Третья названная выше гипотетическая причина, обуславливающая развитие предикатов в сторону большей или меньшей переходности, – развитие самих средств кодирования актантов, в первую очередь падежа – отражается проанализированными данными в гораздо большей степени. Об этом говорит в первую очередь то, что индекс непереходности мощно коррелирует с количеством падежей. Соответствующие данные представлены на Рис. 1. Здесь точки соответствуют отдельным языкам, при этом по оси абсцисс указывается количество падежей⁶, а по оси ординат – индекс непереходности. Расположение точек на плоскости в виде облака, ориентированного диагонально, говорит о том, что в языках с бóльшим количеством падежей непереходные структуры представлены шире, чем в языках с меньшим количеством падежей. Между двумя переменными наблюдается сильнейшая связь: коэффициент корреляции Пирсона равен 0.73 ($p \ll 0.01$)⁷.

---

⁶ При определении количества падежей в конкретных языках принималось несколько условных решений. Во-первых, учитывалось падежное маркирование имен, но не местоимений или артиклей – во многих языках число падежей у местоимений и/или артиклей больше, чем у имен. Во-вторых, вокатив засчитывался за отдельный падеж, хотя к кодированию актантов предикатов он не имеет отношения. В-третьих, языки без падежных противопоставлений условно отмечались как языки с одним падежом. Все эти решения могли повлиять на координаты отдельных точек, но не на общую структуру графика.

⁷ Статистическая обработка и визуализация данных выполнены в программной среде R (R Core Team 2016) Я сердечно благодарю М. А. Овсянникову за помощь в создании Графика 1.

Рис. 1. Индекс непереходности и количество падежей

Демонстрируемая корреляция легко объяснима и в синхронных, и в диахронических терминах. Синхронно она связана с тем, что чем больше в языке падежей, тем больше в нем разных грамматикализованных возможностей для кодирования актантов, помимо канонической переходной конструкции. Диахроническое объяснение состоит в том, что при совпадении формы какого-либо падежа с аккузативной, глаголы, требовавшие соответствующего падежа, автоматически попадают в класс переходных. Неудивительно, что связь между количеством падежей и долей переходности наблюдается не только в индоевропейских языках в целом, но и в рамках отдельных ветвей: балтийской, индо-арийской, греческой⁸.

⁸ Данных, уже полученных в рамках исследования, пока недостаточно для того, чтобы делать уверенный вывод о германских языках: падеж

И все же корреляция между количеством падежей и долей двухместных непереходных конструкций не может механистически объясняться только развитием падежного синкретизма. Показательно в этом отношении развитие выражения функций зоны датива в тех языках, где датив как самостоятельный падеж был утрачен. В подавляющем большинстве таких языков для одной из центральных функций датива – маркирования реципиента в дитранзитивной конструкции – используется какое-либо средство, позволяющее отличить реципиента от темы (передаваемого объекта); чаще всего – какой-либо пространственный предлог (*to* в английском, *aan* в нидерландском, *a* в итальянском и других романских и т. д.). Существенно, однако, что при восполнении этой функции утраченного датива новым средством оно обычно не получает широкого употребления при кодировании второго актанта двухместных глаголов; по крайней мере соответствующая зона систематически оказывается уже, чем зона, которую покрывает морфологический датив там, где он сохраняется. Так, в выборке зафиксировано только 4 английских двухместных предиката со вторым участником, оформленным предлогом *to* (*give birth* ‘рожать’, *get stuck* ‘прилипнуть’, *lose* ‘проиграть’, *listen* ‘слушать’), 3 нидерландских предиката, при которых Y-участник маркируется предлогом *aan* (*denken* ‘думать о’, *plakken* ‘прилипнуть’, *sich ergeren* ‘раздразниться на’), 10 итальянских глаголов, при которых Y-участник маркируется предлогом *a*⁹ и т. д. Эти показатели ниже, чем обычное число двухместных глаголов со вторым участником в дативе в тех языках, где он сохранился: таких предикатов в латышском и русском зафиксировано по 12, в немецком – 11, и т. д.

Особенно показательно в этом отношении сопоставление древне- и новогреческого: дативное кодирование реципиента в древнегреческой дитранзитивной конструкции сменилось конкуренцией двух новогреческих конструкций, в одной из кото-

---

из четырех проанализированных языков полноценно представлен только в немецком, который по склонности к непереходности существенно превышает нидерландский и английский, но не отличается от норвежского. Здесь показательны могли бы быть данные исландского, где, как и в немецком, представлена четырехпадежная система, при этом сохранилось огромное число двухместных непереходных моделей, редуцировавшихся в других германских языках (Barðdal 2009: 125; Haspelmath 2015).

⁹ Вероятно, дативный класс двухместных глаголов в романских языках частично поддерживается благодаря сохранению оппозиции дативных и аккузативных местоименных клитик.

рых реципиент кодируется генитивом, а в другой – при помощи предлога *σε*, буквально ‘в’. Однако если в древнегреческом дательный падеж использовался для оформления второго актанта при 25 (!) двухместных предикатах из анкеты (‘быть похожим’, ‘верить’, ‘дружить’, ‘следовать’, ‘стесняться’ и т. д.), то в новогреческом предлог *σε* используется для кодирования второго актанта только при 8 двухместных предикатах из анкеты (хотя и шире, чем это было характерно для древнегреческого предлога *εις*, к которому *σε* восходит), а генитив в этой функции не используется вообще.

Таким образом, увеличение доли переходных глаголов в индоевропейских языках средневропейского стандарта отражает **редукцию падежной системы**. Такая редукция особенно сильно затрагивает именно неканоническое маркирование актанта двухместных глаголов: если для трехместных глаголов утрата морфологического падежа обычно компенсируется семантическим расширением новых средств, то для двухместных глаголов этот процесс характерен в гораздо меньшей степени.

Еще два параметра, которые могут быть связаны с индексом непереходности (и/или с размером падежных систем), лежат в области **порядка слов**. Во-первых, широко известна гипотеза, согласно которой падежные системы богаче в языках со свободным порядком слов (см. критический обзор на материале германских языков в Barðdal 2009: 130). Учитывая наличие корреляции между количеством падежей и индексом непереходности (см. выше), можно ожидать, что доля непереходных глаголов будет выше в тех языках, в которых наблюдается бóльшая свобода порядка слов. Интуитивно эта гипотеза кажется перспективной, но она требует отдельной проверки, хотя бы потому что сам по себе параметр «свободного» / «фиксированного» порядка слов в действительности совсем не бинарен.

Во-вторых, существует типологическая корреляция между преобладанием структур типа VO или OV и размером падежной парадигмы, см. данные в Таблице 3.

Таблица 3. Базовый порядок слов и количество падежей в языках мира по данным Всемирного атласа языковых структур (Dryer et al. 2013)

Базовый порядок слов:	VO	OV
падеж отсутствует	74	19
2-5 падежей	17	29
6 и более падежей	18	72

Легко видеть, что для языков с базовым порядком слов OV в целом характерны более богатые падежные системы, чем для языков с базовым порядком слов VO. Гипотеза о том, что и доля неканонических переходных структур в языках с левым ветвлением выше, чем в языках с правым ветвлением, выдвигается в Müller-Gotama 1994 (цит. по Haspelmath 2015: 132).

В общих очертаниях представленные данные индоевропейских языков такой гипотезе не противоречат; по крайней мере наиболее жестко порядок слов SVO закрепился в тех и.-е. языках, в которых наблюдается высокая доля переходности: в части романских и германских. Однако такая связь, даже если она и наблюдается, является лишь тенденцией, которая подвержена колебаниям и нарушениям. Действительно, порядок SVO является основным не только в романских и германских языках, но и в балтийских и славянских, в которых представлены высокие индексы непереходности (сюда же можно добавить и кельтские языки с базовым порядком слов VSO). Порядок SOV характерен для восточных групп индоевропейской семьи, при этом по крайней мере в бенгальском был зафиксирован низкий индекс непереходности. Таким образом, даже если этот индекс и коррелирует с порядком слов, его распределение среди индоевропейских языков подчиняется своим историческим и ареальным законам, а не дублирует процессы развития линейной модели предложения.

4. Лексическое распределение переходных глаголов

В предыдущем разделе обсуждалось то, как много в конкретных языках таких двухместных предикатов, которые отклоняются от канонической переходной схемы. В этом разделе будет рассмотрен другой аспект той же проблемы¹⁰: **какие именно** предикаты демонстрируют такое отклонение в отдельных языках и насколько разные языки похожи друг на друга в этом отношении.

Для того чтобы измерить степень сходства между языками по тому, какие именно предикативные выражения получают в них переходное кодирование, использовалась мера, основанная на расстоянии Хэмминга. Для каждой пары языков устанавли-

---

¹⁰ Эти два аспекта кратко намечаются в Levin 1999: 242.

валось то число предикатов анкеты, для которых в этих языках использовались структуры, различающиеся по признаку переходности, и делилось на суммарное число предикатов, для которых данные были получены в обоих языках. Относительное расстояние Хэмминга теоретически колеблется в интервале от 0 до 1: чем оно ближе к 1, тем больше различаются сопоставляемые объекты (в данном случае – языки).

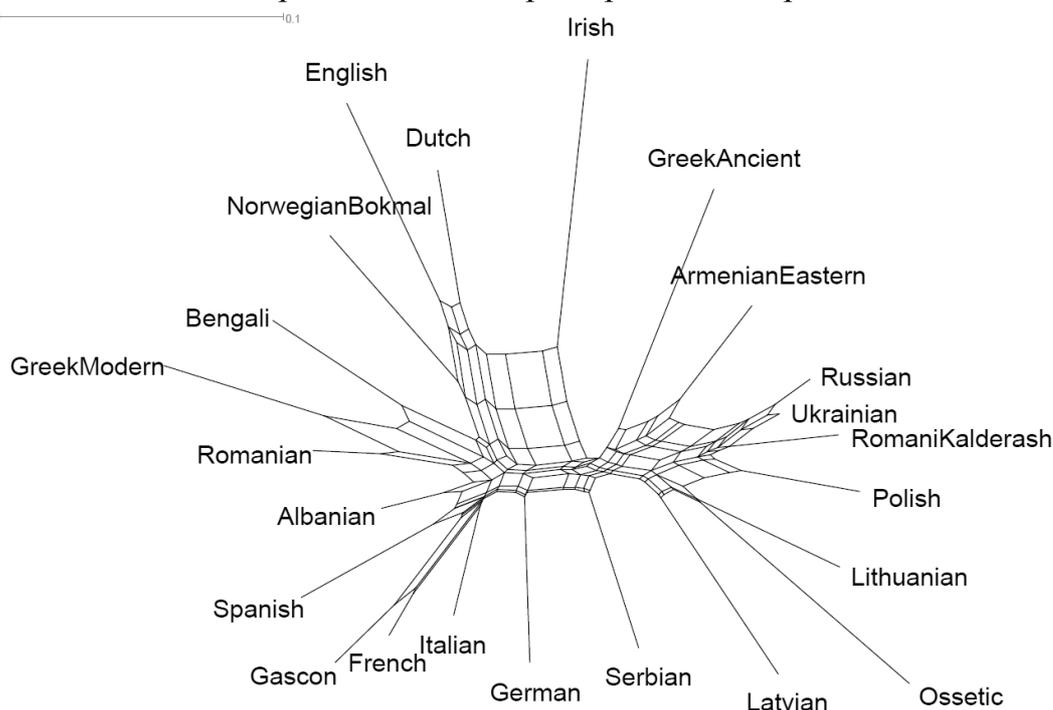
Рассмотрим в качестве примера русский и ирландский. Данные, показывающие соотношение переходных и непереходных структур в этих двух языках, приведены в Таблице 4.

Таблица 4. Переходные и непереходные предикаты в русском и ирландском

		ирландский язык	
		переходные	непереходные
русский язык	переходные	35	16
	непереходные	16	52

Данные в Таблице 4 показывают, что в общей сложности таких предикатов, для которых были получены как русские, так и ирландские данные, было 119. Доля переходных структур в двух языках для выборки из этих 119 глаголов совпадает: в каждом из языков были зафиксированы 67 непереходных предикатных выражений и 51 непереходное. Однако сами множества предикатов, выражаемых переходными структурами в двух языках, существенно различаются: в общей сложности для 32 (16+16) предикатов из анкеты в одном языке используется переходная структура, а другом – непереходная. Таким образом, относительное расстояние Хэмминга в данном случае равняется $32/119$, т.е. ≈ 0.29 . Аналогичным образом было посчитано расстояние Хэмминга во всех парах выборки ($23 \times 22/2$, т.е. 253 пары языков, подсчеты велись в программной среде R – R Core Team 2016). В результате была построена матрица расстояний между языками. Далее эта матрица была визуализирована при помощи алгоритма NeighborNet, имплементированного в программе SplitsTree (Huson, Bryant 2006). Результаты этой визуализации можно видеть на Рис. 2.

Рис. 2. Сходства и различия в наборе переходных предикатов

Для того чтобы «читать» визуализацию на Рис. 2, необходимо для каждой пары языков прокладывать путь по ребрам представленного графа: суммарный путь и будет отражать относительное расстояние Хэмминга. Данные, представленные на Рис. 2, показывают, в частности, что набор переходных предикатов в русском языке ближе всего к набору переходных предикатов в украинском, что ожидаемо; чуть дальше отстоит, например, литовский, а обсуждавшийся выше ирландский от русского уже очень далек.

Основной смысл алгоритма NeighborNet, использованного при построении Рис. 2, состоит в том, что он позволяет увидеть частично вложенные друг в друга и даже частично пересекающиеся кластеры объектов. Принцип выделения кластеров состоит в том, что расстояния внутри объектов, входящих в кластер, оказываются меньше, чем расстояния от объектов внутри кластера до других объектов. Этот аспект можно проиллюстрировать на примере все того же ирландского. В принципе ирландский значительно удален от всех других языков выборки. Однако он все же образует кластер с нидерландским, английским и норвежским. Содержательно это означает, что набор предикатов, которые выражаются переходными и непереходными структурами в ирландском, ближе всего к англий-

скому (с которым ирландский контактирует) и по цепочке с другими германскими языками. Этот факт тем более примечателен, что ирландский относится к числу языков с высоким индексом непереходности, а английский – к числу языков с низким индексом непереходности. Тем не менее, сами наборы предикатов, для выражения которых используются переходные структуры, говорят об определенном схождении, скорее всего контактном. Следы контактов можно увидеть и в других фрагментах Рис. 2. Так, в его левой нижней части выделяется кластер, включающий романские и балканские языки; в правой нижней – балто-славянские языки (исключая сербский), кэлдэрарский цыганский и осетинский.

В целом данные, отраженные на Рис. 2, говорят о том, что наборы предикатов, для которых используется переходное кодирование, в большей мере определяются ареальным, чем генетическим фактором, по крайней мере многие пары языков, входящих в одну и ту же ветвь, оказываются здесь значительно разнесены, ср. положение сербского между другими балто-славянскими языками и языками балкано-романской зоны, положение немецкого на значительном удалении от беспадеежных германских языков, взаимное удаление древне- и новогреческого, а также бенгальского и кэлдэрарского цыганского.

Теперь необходимо попытаться содержательно интерпретировать те сходства и различия, которые отображены на Рис. 2 и в лежащей в его основе матрице расстояний. Ясно, что сходства между языками будут возникать в тех случаях, если отклонения от канонической переходной конструкции в этих языках будут обуславливаться похожими факторами, т. е. глаголы будут реагировать на одни и те же признаки понижения переходности (ср. группу так называемых «predicate-related conditions», выделяемых в Haspelmath 2001a: 56 при анализе тех условий, которые могут приводить к непереходности двухместной конструкции).

В ходе попытки такого анализа, предпринимаемой ниже, в качестве ориентира будет использоваться гипотеза, согласно которой отклонения от переходного прототипа, понимаемого в духе Хоппера и Томсона (Hopper, Thompson 1980), обычно маркируются морфосинтаксически на том компоненте конструкции, который и семантически не соответствует прототипу переходной ситуации (Malchukov 2006). В духе этой гипотезы

естественно противопоставить два возможных типа непереходных конструкций. Непереходными конструкциями с **Y-локусом** будут называться конструкции, в которых второй актант (Y) получает какое-либо периферийное маркирование, как в русских конструкциях *Петя доверяет Маше* или *медведь напал на рыбака*. В соответствии с гипотезой А. Л. Мальчукова, предполагается, что конструкции с Y-локусом характерны для таких ситуаций, когда Y-актант существенно отличается по своим свойствам от прототипического пациенса. Конструкциями с **X-локусом** будут считаться такие структуры, в которых периферийное маркирование получает X-актант (ср. *Пете нравится его рубашка, у Пети болит голова* и т. д.). В соответствии с гипотезой А. Л. Мальчукова, использование конструкций с X-локусом ожидается в случаях, когда X-актант семантически удален от прототипического агенса. Рассмотрим теперь последовательно два типа непереходных конструкций, разделяемых по признаку локуса.

Предикаты, требующие непереходных конструкций с X-локусом, в индоевропейских языках в целом малочисленны и к тому же демонстрируют сравнительно низкое разнообразие. Если для простоты включить в эту группу также редкие предикаты с двумя локусами (ср. *Пете недостает одного доллара*), то окажется, что в большинстве рассмотренных языков фиксируется от 6 до 10 предикатов с неканоническим маркированием первого актанта. Исключение «в меньшую сторону» представляют собой все германские языки, французский и гасконский, а также древнегреческий, в каждом из которых представлено не более 4 таких предикатов.

Группа предикатов, для которых фиксируется X-локус, весьма стабильна. В нее, в частности, входят предикаты **зоны обладания**: ‘иметь’, ‘нуждаться, быть нужным’, ‘оставаться’ (как в *У Пети осталось сто рублей*), ‘хватать, (быть) достаточно’, ‘недоставать’. Типологически в этой группе лучше всего изучено выражение значения ‘иметь’ (Isačenko 1974; Stassen 2009), при этом хорошо известно, что использование переходной конструкции для этого значения – характерная ареальная черта языков западной Европы, за исключением островных кельтских (Stassen 2009: 565–566). При выражении этого значения непереходные структуры являются единственно возможными или более частотными только в следующих языках

выборки: индоиранских, восточнославянских, латышском¹¹ и ирландском. Любопытно, что ‘иметь’ в своей семантической группе оказывается «самым переходным»: для других предикатов зоны обладания непереходные конструкции преобладают во всех рассмотренных языках (включая даже новогреческий!), кроме германских и отчасти романских. Это различие можно проиллюстрировать армянскими примерами (14)–(15).

- (14) *Petros-ə*   *mek'ena*   *uni*
 Петрос[NOM]-DEF   машина[NOM]   иметь:PRS:3SG
 ‘У Петроса есть машина.’
- (15) *Petros-i-n*   *herik'um₁*   *ē₂*   *p'oγ-ə*
 Петрос-DAT-DEF   быть.достаточным:PRS:3SG_{1,2}   деньги[NOM]-DEF
 ‘Петросу хватает денег.’

Еще одна зона, где нередко фиксируются конструкции с X-локусом – это предикаты «**пассивных эмоций**»: ‘нравиться’, ‘надоесть’, ‘болеть’ (как в предложении *У Пети болит голова*; в данном случае X-участник совмещает свойства посессора и экспериенцера), в меньшей степени ‘скучать (по кому-либо)’. И этот круг предикатов демонстрирует значительное межъязыковое единообразие: снова непереходные структуры тут преобладают почти повсеместно (за исключением части германских и древнегреческого).

Косвенное маркирование экспериенцера в европейских языках хорошо изучено, правда во многом на материале одноместных предикатов, типа ‘(быть) холодно’, ‘испытывать голод’, ‘(быть) грустно’ (Bossong 1998; Haspelmath 2001a). Высказывалось предположение, что такое маркирование – старая индоевропейская черта, возможно вообще восходящая к активно-стативной системе (Varðdal, Eythorsson 2009). Даже если это и так, то ясно, что эта черта утрачена в большей части языков западной Европы и сохраняется преимущественно при кодировании пассивных экспериенцеров, но не экспериенцеров при предикатах типа ‘помнить’, ‘видеть’ или ‘сердиться’.

Итак, в большинстве индоевропейских языков использование конструкций с X-локусом характерно для предикатов зоны обладания и предикатов пассивных эмоций. Ключевыми при-

¹¹ Любопытно, что склонность к непереходности в этой зоне возрастает при движении на восток и внутри балтийских (Perkova 2013), и внутри славянских языков.

знаками здесь, очевидно, являются стативность и **пониженный контроль** со стороны первого актанта (что соответствует гипотезе А. Л. Мальчукова). В большинстве языков эти черты обуславливают непереходность клаузы примерно в одинаковой мере. Исключением в сторону более последовательного реагирования на отсутствие контроля являются бенгальский (в нем зафиксировано 11 предикатов с X-локусом или двойным локусом) и особенно ирландский (25 аналогичных предикатов).

В бенгальском, помимо стандартного набора предикатов, для которых характерен X-локус (см. выше), неканоническое маркирование первого актанта используется для выражения непреднамеренности при некоторых динамических предикатах, как в (16).

- (16) *Satyajit-er sañge Suśmitā-r dekh-ā ha-la*
 Сатьяджит-GEN с Сушмита-GEN видеть-GER быть-3.PST
 ‘Сушмита встретился с Сатьяджитом (случайно)’,
 букв.: ‘У Сушмиты произошла встреча с Сатьяджитом.’

В ирландском неканоническое маркирование X-актанта во многом связано с широким употреблением конструкций типа (12), в которых косвенными средствами маркируются сразу оба ядерных актанта. При этом похожие конструкции с двойным локусом особенно характерны для когнитивных и «активных» эмотивных предикатов: ‘знать’, ‘любить’, ‘ненавидеть’, ‘уважать’, ‘жалеть’, ‘презирать’; все эти предикаты обозначают состояния. В большинстве других языков выборки им соответствуют переходные глаголы.

Как уже говорилось, в противоположную сторону из общей массы индоевропейских языков выделяются германские языки¹², а также французский и гасконский: здесь каноническое маркирование X-актанта преобладает даже при пониженном контроле, в частности, для актантов-посессоров и пассивных экспериенцеров. Такая картина говорит о том, что маркирование первого актанта здесь определяется в основном референциальными, а не ролевыми признаками. Ролевая «растяжимость» подлежащего упоминается среди других свойств языков

¹² За исключением исландского и фарерского, не попавших в выборку. Широко представленному в исландском неканоническому маркированию первого актанта посвящена обширная литература, см. например Andrews 2001.

среднеевропейского стандарта в Haspelmath 2001a: 55; однако, судя по всему, даже в рамках этого множества есть контраст между языками, распространенными севернее, где это свойство проводится наиболее последовательно, и языками южной Европы, где оно ослаблено.

В отличие от предикатов, для которых характерен X-локус, предикаты, при которых косвенное кодирование получает второй актанта, т. е. **конструкции с Y-локусом**, очень неравномерно распределены по языкам: соответствующие наборы предикатов могут существенно различаться даже в языках с близкими значениями индекса непереходности.

Так, многие русские динамические глаголы, в которых второй участник маркируется родительным (*достичь, избегать, лишаться*) или творительным (*шевелить, руководить, махать*) падежами, а также предложно-падежными формами (*дотропнуться, играть* (на музыкальном инструменте)), обладают общим свойством: **слабой вовлеченностью** Y-актанта. Похожие модели широко представлены в восточноевропейских языках, но не во всех и.е. языках: так, в ирландском, где общий индекс непереходности так же высок, как и в русском, эквиваленты всех перечисленных глаголов попадают в класс переходных. Еще чаще, чем в русском, низкая вовлеченность второго актанта отражается на модели управления в балтийских языках, ср. следующие примеры из литовского (17) и латышского (18).

(17) *Šuo ikand-o Petr-ui.*
 собака:NOM.SG кусать.PST-3 Пятрас-DAT.SG
 ‘Собака укусила Пятраса.’

(18) *Vald-is iesit-a Jur-im.*
 Вальдис-NOM.SG ударить.PST-3 Юрис-DAT.SG
 ‘Вальдис ударил Юриса.’¹³

Предикаты, представленные в примерах (17) и (18), обозначают физические действия, в результате которых второй участник претерпевает определенные изменения, однако он все же вовлечен не полностью (такая степень вовлеченности иногда обозначается термином «impinged object», т. е. буквально «такой объект, на который совершено посягательство» –

¹³ Исключительная широта функция латышского датива обсуждается в Perkova 2013.

Beavers 2006: 159). В балтийских языках, но почти ни в каких других языках выборки, такого небольшого понижения вовлеченности второго участника оказывается достаточно для употребления конструкции с Y-локусом.

В ряде балто-славянских языков широко представлено лексически заданное генитивное маркирование второго актанта. Оно характерно прежде всего для глаголов, в семантику которых входит идея **отсутствия** второго актанта ('бояться', 'ждать', 'избегать', 'искать', 'лишаться', 'скучать', 'хотеть'), что в конечном счете отражает тот факт, что в балто-славянском генитиве слились индоевропейский аблатив и генитив. В других группах индоевропейской семьи систематическое косвенное маркирование вторых актантов перечисленных предикатов не фиксируется. При этом даже и в рамках балто-славянских языков такая модель представлена не в равной мере. Так, в латышском модель с дополнением в генитиве используется существенно меньше, чем в литовском (об утрате генитивного оформления второго актанта при латышском глаголе *trūkt* 'не хватать' и других семантически близких глаголах см. Berg-Olsen 2009: 197–199). Среди славянских языков, попавших в выборку, генитивные объекты наиболее типичны для польского, где так оформляются, например, объекты предикатов 'искать', 'ненавидеть', 'слушать'. Их эквиваленты в других славянских языках используются переходно.

Особую проблему в плане кодирования второго актанта представляют **глаголы взаимодействия** (см. о них в первую очередь Blume 1998), т. е. такие предикаты, в которых второй актант обладает определенным уровнем агентивности: 'помогать', 'отвечать', 'выиграть', 'следовать', 'слушаться' и т. п. Кодирование второго актанта таких предикатов дательным падежом – распространенная черта многих европейских языков (Haspelmath 2001a: 59), включая древнегреческий; вероятно, эта черта восходит к общеиндоевропейскому состоянию. Было бы естественно ожидать, что непереходное кодирование будет характерно для этих предикатов именно в тех языках, где сохраняется противопоставление датива и аккузатива, а в тех языках, где они совпали, все соответствующие глаголы будут попадать в класс переходных.

В целом это ожидание подтверждается: например, в немецком, где сохраняется дательный падеж, приведенные

выше предикаты взаимодействия требуют объекта именно в дативе, а в английском и нидерландском, где актантных падежей нет, приведенные предикаты попадают в класс переходных (пары типа *helfen – help* и *folgen – follow* упоминались в самом начале статьи). В бенгальском, где датив морфологически слился с аккузативом, глаголы взаимодействия также систематически попадают в класс переходных.

Однако все же развитие индоевропейского дательного падежа не может считаться единственной силой, определяющей развитие моделей управления глаголов взаимодействия. Так, например, в балканских языках (новогреческом, албанском, румынском) наблюдается тенденция к переходному кодированию глаголов взаимодействия, несмотря на то, что датив в этих языках совпадает в первую очередь с генитивом, а не с аккузативом. В частности, дативное кодирование второго актанта в принципе возможно и в румынском, и в албанском, но в румынском оно характерно только для двух предикатов анкеты (сокращение этой модели в румынском упоминается в Blume 1998: 275), а в албанском встречается чаще, но как раз глаголы взаимодействия в большинстве своем здесь переходны. Даже в сербском языке, где дательный падеж морфологически сохраняется, некоторые глаголы взаимодействия ведут себя как переходные, как в примере (19).

- (19) *Петар* *следи* *Мариј-у*
 Петар.NOM следовать.PRS.3SG Мария-ACC.
 ‘Петар следует за Марией.’

Таким образом, непереходное кодирование глаголов взаимодействия, широко наблюдаемое в древнегреческом и по-прежнему характерное для немецкого, балтийских, большей части славянских, а также отчасти осетинского и армянского языков, является не прямым следствием сохранения морфологического дательного падежа, а скорее фактом, характеризующим семантико-синтаксическую организацию глагольного лексикона преимущественно в северо-восточной части Европы¹⁴.

¹⁴ О том, что сокращение класса двухместных глаголов, требующих датива, может происходить при сохранении самостоятельного падежа, говорят и данные не попавшего в выборку фарерского языка (Jonsson 2009).

5. Выводы

1) Индоевропейские языки демонстрируют значительное разнообразие в размере класса переходных глаголов, при этом не только на уровне семьи в целом, но иногда и на уровне отдельных ветвей. Судя по всему, этот «индекс переходности» не относится к числу диахронически стабильных типологических характеристик.

2) Преобладание среди двухместных предикатов переходных или непереходных структур определяется не столько на уровне отдельных генетических таксонов, сколько на уровне широких ареальных тенденций. В частности, высокая доля переходных глаголов типична для индоевропейских языков, относящихся к ядру средневропейского стандарта: романских, германских и балканских. Помимо этого, она представлена в бенгальском (и, вероятно, по крайней мере в части других новоиндийских).

3) Развитие систем валентностных классов в индоевропейских языках, в частности, изменение границы между переходными и непереходными глаголами, находится в связи с развитием морфологической категории падежа (уменьшение количества падежей коррелирует с увеличением доли переходных глаголов), но не сводится к нему.

4) Неканоническое кодирование первого актанта («прото-агенса», в терминах Dowty 1991) представлено в современных индоевропейских языках мало. В основном оно характерно для одних и тех же групп предикатов: для предикатов, связанных с семантикой обладания, и для предикатов, обозначающих пассивные эмоции. Таким образом, неканоническое маркирование первого актанта обычно отражает его пониженную способность к контролю (это особенно характерно для бенгальского) и стативность ситуации (это особенно характерно для ирландского). Неканоническое маркирование первого актанта нехарактерно для германских языков (кроме, вероятно, островных скандинавских, не попавших в выборку), а также французского и гасконского: в этих языках позиция подлежащего в большей мере определяется не ролевыми, а референциальными свойствами актанта.

5) Количество и наборы предикатов, демонстрирующих неканоническое маркирование второго актанта, значительно варьируют в отдельных индоевропейских языках. Такое маркирование может быть, в частности, характерно для глаголов

физического действия с низкой вовлеченностью второго участника (*дотронуться, шевелить*); для глаголов, семантика которых связана с идеей отсутствия второго актанта (*искать*); для глаголов взаимодействия, т. е. для глаголов, второй актант которых обладает определенными агентивными свойствами (*помогать*). Множества языков, в которых на неканоническое кодирование второго актанта влияют названные признаки, частично накладываются друг на друга, но не совпадают. Соответствующие множества в первую очередь имеют ареальную природу и в ряде случаев пересекают границы отдельных генетических групп.

б) Как следует из предыдущих двух пунктов, разделение между переходными и непереходными структурами в индоевропейских языках подвержено множеству частных исторических процессов, связанных с развитием падежных форм, контактами между языками и др. Однако, судя по всему, у этих процессов есть единый вектор: в большинстве случаев развитие индоевропейских языков идет **в сторону увеличения доли переходных структур**. Среди частных наблюдений, свидетельствующих в пользу такого обобщения, можно привести следующие.

а) Отмечалось, что развитие конструкций с экспериенце-ром-подлежащим является инновативной чертой языков средневропейского стандарта (Haspelmath 2001a: 75–79); в ходе соответствующего развития выходили из употребления или подвергались выравниванию («канонизации») структуры с косвенным маркированием экспериенцера, см. примеры в Allen 1995; Seržant 2013.

б) В новогреческом языке переходные структуры представлены существенно шире, чем в древнегреческом.

в) Для прагерманского состояния восстанавливается богатая система моделей управления при одно- и двухместных глаголах. В ходе истории во многих языках произошла массовая унификация этих моделей; для других языков такая унификация была менее характерна; однако случаи обратного развития, при котором появлялись бы новые неканонические модели, не фиксируются (Barðdal 2009: 138–139).

г) В более инновативном латышском языке переходные структуры представлены шире, чем в более архаичном литовском (помимо обсуждения выше, см. также Perkova 2013).

д) Переход многих глаголов из непереходных в переходные начался в латыни (не входила в анализируемую выборку) еще до начала распада падежной системы (Pinkster 1988).

е) В недавней истории французского языка многие глаголы взаимодействия (например, *aider* ‘помогать’) перешли в класс переходных после того, как они использовались с предлогом *à* (т. е. значительно позднее эпохи распада именного падежа), см. об этом подробно Troberg 2008.

Последние два примера указывают на то, что расширение круга переходных конструкций не сводимо к утрате падежа даже в тех идиомах, где такая утрата произошла.

7) Судя по всему, в общемировой перспективе индоевропейские языки с высокими индексами непереходности, в частности, балтийские и славянские, типологически необычны по частотности и разнообразию непереходных структур; а вот языки средневропейского стандарта в целом соответствуют той картине, которая фиксируется и в других частях мира, см. Haspelmath 2015; осторожно похожее предположение высказывается и в Say 2014 на материале проекта, выполнявшегося в ИЛИ РАН.

Если высказанные выше предположения верны, то получается, что индоевропейские языки идут по пути постепенной утраты типологически нетривиального свойства, характеризовавшего общеиндоевропейское состояние. Это типологически необычное свойство – частотность и разнообразие непереходных «частноролевых» моделей – в большей степени сохранилось в периферийных индоевропейских языках Европы. В рамках этих допущений перспективным представляется и сопоставление индоевропейских языков с языками ареально близких семей, которые в общетипологической перспективе также характеризуются низкой частотностью переходных структур: картвельской, нахско-дагестанской и в меньшей степени уральской.

Литература

- Ahmed, T. 2008: Classification of Non-Core Transitive Verbs. Paper presented at the Workshop on Transitivity and case alternations.
- Allen, C. L. 1995: *Case marking and reanalysis: grammatical relations from Old to Early Modern English*. Oxford: Clarendon Press.
- Andrews, A. D. 2001: Non-canonical A/S marking in Icelandic. In: *Non-canonical marking of Subjects and Objects*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 85–112.

- Barðdal, J. 2009: The development of case in Germanic. In: *The Role of Semantic, Pragmatic, and Discourse Factors in the Development of Case*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 123–159.
- Barðdal, J., Eythórsson, T. 2009: The origin of the oblique-subject construction: An Indo-European comparison. In: *Grammatical Change in Indo-European Languages: Papers presented at the workshop on Indo-European Linguistics at the XVIIIth International Conference on Historical Linguistics, Montreal, 2007*. Amsterdam: John Benjamins, 179–193.
- Beavers, J. 2006: Argument/oblique alternations and the structure of lexical meaning. Stanford University dissertation.
- Berg-Olsen, S. 2009: Lacking in Latvian – case variation from a construction grammar perspective. In: *The role of semantic, pragmatic, and discourse factors in the development of case*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 181–202.
- Bickel, B., Witzlack-Makarevich, A., Zakharko T., Bierkandt, L. 2014. Semantic role clustering: an empirical assessments of semantic role types in non-default case assignment. *Studies in Language* 38(3), 485–511.
- Blume, K. 1998: A contrastive analysis of interaction verbs with dative complements. *Linguistics* 36(2), 253–280.
- Bossong, G. 1998: Le marquage de l'experient dans les langues d'Europe. In: *Actance et valence dans les langues de l'Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 259–294.
- Dowty, D. 1991: Thematic proto-roles and argument selection. *Language* 67, 547–619.
- Dryer, M. S., Haspelmath, M. (eds.). 2013: *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info>, Accessed on 2017-05-20.)
- Hawkins, J. A. 1986: *A comparative typology of English and German: Unifying the contrasts*. Austin: University of Texas Press.
- Hopper, P. J., Thompson, S. A. 1980: Transitivity in grammar and discourse. *Language* 56, 251–299.
- Haspelmath, M. 1998: How young is Standard Average European? *Language Sciences* 20: 271–287.
- Haspelmath, M. 2001a: Non-canonical marking of core arguments in European languages. In: *Non-canonical marking of Subjects and Objects*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 53–83.
- Haspelmath, M. 2001b: The European linguistic area: Standard Average European. In: *Language Typology and Language Universals: An International Handbook*. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1492–1510.
- Haspelmath, M. 2015: Transitivity prominence. In: *Valency classes in the world's languages*. Vol. 1. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 131–147.
- Huson, D. H., Bryant, D. 2006: Application of phylogenetic networks in evolutionary studies. *Molecular Biology and Evolution* 23, 254–267.

- Isačenko, A. V. 1974: On «Have» and «Be» Languages. In: *Slavic Forum. Essays in Linguistics and Literature*. The Hague, Paris: Mouton, 43–77.
- Jónsson, J. G. 2009: Verb classes and dative objects in Insular Scandinavian. In: *The role of semantic, pragmatic, and discourse factors in the development of case*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 203–224.
- Kittilä, S. 2002: *Transitivity: towards a comprehensive typology*. Turku: Turku University.
- Lazard, G. 1994: *L'actance*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Lazard, G. 2002: Transitivity revisited as an example of a more strict approach in typological research. *Folia Linguistica* 36 (3–4), 141–190.
- Levin, B. 1999. Objecthood: An event structure perspective. In: *Proceedings of CLS 35*. Vol. 1. The Main Session. Chicago: University of Chicago, 223–247.
- Malchukov, A. 2006: Transitivity parameters and transitivity alternations: constraining co-variation. *Case, valency and transitivity*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 175–190.
- Müller-Gotama, F. 1994: *Grammatical relations: a cross-linguistic perspective on their syntax and semantics*. Berlin: Mouton de Gruyter. (non vidi).
- Næss, Å. 2007: *Prototypical Transitivity*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- Onishi, M. 2001: Non-canonically marked A/S in Bengali. In: *Non-canonical marking of Subjects and Objects*. Amsterdam: John Benjamins, 113–147.
- Perkova, N. 2013: Non-canonical argument marking in two-place predication: the case of Baltic languages. Unpublished Ms.
- Pinkster, H. 1988: Non-accusative second arguments of two-place verbs in Latin. In: *Quadernos de filologia classica XXI*, 235–245.
- R Core Team 2016: R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. URL. <https://www.R-project.org/>.
- Say, S. 2014: Bivalent verb classes in the languages of Europe: A quantitative typological study. *Language dynamics and change* 4(1), 116–166.
- Say, S. S. 2011: [Non-canonical marking of actants of polyvalent predicates: an essay in the quantitative-typological study]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvističeskikh issledovaniy RAN* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences] 7 (3), 424–430.
- Сай С. С. 2011: Неканоническое маркирование актантов многоместных предикатов: опыт квантитативно-типологического исследования. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* 7 (3), 424–430.
- Seržant, I. A. 2013: Rise of canonical subjethood. In: *The Diachronic Typology of Non-canonical Subjects*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 283–310.

- Seržant, I. A., Bjarnadóttir, V. 2014: Verbalization and non-canonical case marking of some irregular verbs in *-ē in Baltic and Russian. In: *Baltai ir slavai: dvasinių kultūrų sankritos*. Vilnius: Versmės, 218–242.
- Stassen, L. 2009: *Predicative Possession*. Oxford: Oxford University Press.
- Troberg, M.: 2008. *Dynamic two-place indirect verbs in French: a synchronic and diachronic study in variation and change of valence*. Ph.D. dissertation. University of Toronto.
- Tsunoda, T. 1981: Split case-marking patterns in verb-types and tense / aspect / mood. *Linguistics* 19, 389–438.
- Tsunoda, T. 1985: Remarks on transitivity. *Journal of Linguistics* 21, 385–396.
- van der Auwera, J. 2011: Standard Average European. In: *The Languages and Linguistics of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 291–306.

S. S. Say. Lexical extent of transitive vs. bivalent intransitive verbs in Indo-European languages: a quantitative-typological assessment

The goal of the study is to reveal the ways in which bivalent verbs are divided into the transitive and intransitive classes in Indo-European languages. Based on a questionnaire that contained 130 predicates given in contexts, I assembled a database of these verbs' valency patterns in a sample of 23 Indo-European languages, which covers all extant genera. The data were elicited from native speakers and annotated by language experts. Transitivity prominence (the ratio of transitive verbs in the questionnaire for a given language) is shown to vary hugely across the family, with its peaks in Romance, Germanic and Balkan languages (the core of Standard Average European) and its lows in Eastern European languages and Celtic. Transitivity prominence is a diachronically unstable feature, which correlates negatively with the size of case paradigm. Large-scale areal factors shape the distribution of transitivity prominence values across languages stronger than deep genetic relationships. Deviations from transitivity can be signaled by the use of non-core devices for coding the more agent-like argument or the more patient-like argument. The former pattern is generally rare and rather homogeneous across Indo-European: it is mostly found with low-control stative verbs, such as verbs related to possession and passive emotions. The latter pattern is more diverse in terms of both verb types and areal patterns. These minor patterns include special intransitive treatment of verbs of interaction, low-affectedness verbs and verbs which presuppose the absence of the second argument; all of these patterns are typical of various small-sized pockets across the Indo-European area.

The data imply that high transitivity prominence in SAE is a recent innovation. Peripheral European languages are more conservative: they preserve the typologically unusual transitivity profile which can be hypothesised for Proto-Indo-European.

Keywords: valency, transitivity, Indo-European languages, quantitative typology, case, areal linguistics, intragenetic typology, control, affectedness, Standard Average European.